

Кульбашный Владислав Владимирович**Kulbashnyy Vladislav Vladimirovich**

аспирант кафедры всеобщей истории
и международных отношений
Кубанского государственного университета

PhD student, World History
and International Relations Department,
Kuban State University

**ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР
КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ
И РОССИИ В 1870–1914 ГГ.)****ECONOMY AS A FACTOR
IN NATION-BUILDING
(BY A CASE STUDY OF FRANCE
AND RUSSIA IN 1870–1914)****Аннотация:**

Статья посвящена рассмотрению экономической сферы как фактора, способствующего конструированию нации во Франции и России в последней трети XIX – начале XX в. Среди основных аспектов выделены: монополизация с усилением роли государства, стремление со стороны центральной власти контролировать отношения буржуазии и пролетариата, желание государства расширить экономическое влияние на международной арене в процессе борьбы за передел мира. На основе проанализированных материалов сделан вывод, что промышленный капитализм укрепил национальный строй как во Франции, так и в России. Также степень успешности проводимой политики в реализации каждого из рассмотренных аспектов играла значимую роль в процессе интеграции общества и в обеспечении возможности противостоять внутренним и внешним вызовам.

Ключевые слова:

нация, конструирование нации, «идея нации», экономика, империализм, капитализм, монополия, Россия, Франция.

Summary:

The purpose of the study is to consider the economy as a factor contributing to the nation-building in France and Russia in the last third of the 19th – early 20th centuries. Its main aspects include monopolization accompanied by the increased role of the state, the desire of the central authority to control the relationships between the bourgeoisie and the proletariat, the strive of the state to increase the economic impact in the international arena during the struggle for a redivision of the world. Based on the materials analyzed, the author concluded that industrial capitalism had consolidated the national system both in France and in Russia. In addition, success in policy on implementing each aspect played a pivotal role in the process of social integration and the ability to withstand internal and external challenges.

Keywords:

nation, nation-building, the idea of a nation, economy, imperialism, capitalism, monopoly, Russia, France.

Взаимный учет интересов центральной власти и населения государства позволяет противостоять постоянным внутренним и внешним вызовам, которые могут вызвать общественный резонанс и привести к необратимым последствиям. Одной из сфер, где прослеживается данное взаимодействие, выступает экономика.

Государство, которое едино территориально, политически и национально, может рассчитывать на активное экономическое развитие. В таком случае обеспечиваются высокие темпы движения капитала, товаров и рабочей силы [1, с. 97]. Если существует значимая разница между экономическим развитием центра и периферии, это может послужить развитию идей национализма, что способно привести к децентрализации, а также потере контроля в управлении в различных сферах общественной жизни.

В экономической сфере в процессе конструирования нации во Франции и России в 1870–1914 гг., с одной стороны, наблюдается ряд общих черт и аналогий. С другой стороны, развитие процесса формирования нации при использовании сравнительно-исторического анализа позволяет более четко определить аспекты, характерные для каждого из государств, а также выявить процессы, которые в России и во Франции были незавершенными или смешаны с другими [2, с. 134–135].

Период последней трети XIX – начала XX в. является новой эпохой монополистического капитализма – империализма. Одним из главных аспектов в экономическом развитии Франции и России обозначенного периода стало активное образование монополистических структур в сфере экономики. При этом монополии сливались с государством, получая поддержку от центральной власти. Об этом свидетельствуют и слова современников. Так, французский исследователь Г. Лебон писал о существовании «государственного социализма», понимая под ним «сосредоточение в руках правительства всех элементов жизни народа», роль которого возрастает. Долгое время государство ограничивалось только политическими функциями. По мнению исследователя, в связи с развитием промышленности государство осознало свою необходимость,

чтобы восполнить недостаток частной инициативы. Оно стало вмешиваться во многие отрасли промышленности. Государство взяло на себя управление самыми важными отраслями на монопольной основе [3, с. 147–148]. Стремление подчинить все отрасли промышленности исходит не только от самого государства, но и от «всех партий», «всей расы» [4, с. 150].

Российский историк и политик П.Н. Милюков отмечал, что при рассмотрении культуры какого-либо государства Западной Европы происходит переход от экономического строя через социальную структуру к государственной организации. В России, наоборот, государство имеет огромное влияние на экономическую и общественную организацию, что указывает на то, что «исторический процесс шел как раз обратным порядком» [5, с. 113–114]. Рассматривая экономическую сферу на пути развития государства, П.Н. Милюков стремился подтвердить главенствующую роль, которую сыграло государство в экономическом развитии страны [6, с. 153].

Во Франции процесс концентрации производства начинается в 1870–1880-е гг. Наиболее распространенными формами объединений в данный период становятся картели и синдикаты. В металлургической сфере была образована монополия «Комите де форж» (Comité des forges). Она включала в себя около 250 металлургических и машиностроительных заводов, также ею контролировалось около 75 % производства стали и чугуна во Франции. В конце XIX в. был основан синдикат «Шнейдер – Крезо» (Schneider – Le Creusot), который охватил предприятия военно-промышленного комплекса.

В Российской империи первые монополии образуются с 1880-х гг. Как и во Франции, преобладающими формами стали картели и синдикаты. Одним из крупнейших стал синдикат «Продамет», который интегрировал на юге России 12 металлургических заводов, сосредоточив в своих руках более 35 % продажи черных металлов. Синдикат «Продуголь» занимался продажей угля на территории Российской империи, занимая подавляющую часть рынка. «Продвагон» сконцентрировал в своих руках более 95 % заказов на вагоны.

И государство, и монополии преследовали взаимную выгоду. Государство развивало свою экономику, пополняло казну, а также имело влияние на монополии. Появление и процветание монополий зависело от благосклонности центральной власти, олицетворявшей государство. Именно государство выступало главным предпринимателем, которое, действуя как банкир, торговец и комиссионер, стремилось достичь государственных целей [7, с. 170].

Но если во Франции тяжелая промышленность медленно вырастала из более мелких организаций, то в Российской империи переход промышленности под контроль государства осуществлялся стремительно. Отсюда высокая ориентированность российской промышленности на государство, что позволяло центральной власти в большей степени, нежели во Франции, рассчитывать на промышленников в процессе конструирования нации.

Еще одной важной силой, помогавшей государству интегрировать общество через сферу экономики, являлись буржуазия и пролетариат.

В рассматриваемый период центральная власть как во Франции, так и в России испытывала сильное давление со стороны предпринимателей. Но в то же время доходы со стороны самого государства зависели от принимаемых им же решений, т. е. государство не могло являться свободным игроком на экономической арене [8, с. 84].

Политика таможенного регулирования, основанная на принятии протекционистских мер, в 1870–1914 гг. была вызвана взаимной зависимостью государства и представителей буржуазии.

Во Франции в 1892 г. по инициативе Ф.-Ж. Мелена был принят протекционистский тариф, который стал завершением политики свободной торговли. Промышленники и земледельцы стремились укрепить свои позиции на внутреннем рынке, стабилизировать цены и тем самым поддерживать прибыльность своих предприятий перед угрозой внешней конкуренции. Также таможенный тариф Ф.-Ж. Мелена был принят с целью объединить промышленную буржуазию с крупными землевладельцами в консервативном союзе для защиты Третьей республики от нападений недовольных, особенно рабочего класса [9, р. 230–231]. В Российской империи правительство, например, с 1 июня 1884 г. повысило ввозные цены на чугун, а с июля 1885 г. на большинство ввозимых в страну товаров пошлины были увеличены на 20 % [10, с. 88]. Таким образом был положен конец экономическому либерализму. К 1914 г. средние значения таможенных тарифов во Франции были равны 20 %, а в Российской империи – 38 % [11, с. 58].

Немаловажную роль в интеграции общества в сфере экономики сыграло ужесточение национальной политики, прежде всего в отношении распространения государственного языка. Этому способствовали два социальных института – начальная школа и армия. Овладевая в них официальным языком, население окраин получало преимущество на развивающемся рынке труда. В условиях поиска работы не было ничего плохого в том, что изучался более распространенный язык [12, с. 183]. Если же человек являлся носителем только одного языка, то за пределами своих родных земель он испытывал огромные сложности.

Представители третьего сословия Антверпена или Гента изучали французский язык, а не фламандский. Тем самым они получали возможность успешно трудоустроиться в Париже или ином крупном французском городе. Польские промышленники, которые чувствовали себя больше немцами или евреями, а не поляками, понимали, что их прибыль будет гораздо выше, если они выйдут на всероссийский рынок, где получат дополнительные возможности для сбыта своей продукции [13, с. 183–184].

Значимую роль в процессе конструирования нации через экономическую сферу также играла внешняя политика.

Колониальная политика Франции в 1870–1914 гг. достигла своего пика. Радикальные изменения в системе государственной власти (установление Третьей республики), формирование новой политической элиты общества (приход к власти умеренных республиканцев) актуализировали активность по расширению колониальных владений [14, с. 65]. Кроме того, важным фактором стало поражение во Франко-прусской войне, в результате чего правительство стремилось всеми силами вернуть величие Франции и французской армии на международной арене и в глазах граждан страны. Колониальная экспансия выступила в роли альтернативы реванша за сокрушительное поражение, в результате чего парламент поддерживал усилия членов правительства, направленных на новые колониальные захваты [15, с. 78].

Важным вдохновителем и проповедником колонизации для Франции стал П. Леруа-Болье, который работой «Колонизация в XIX веке» пробудил дебаты как среди политиков, так и среди экономистов [16, р. 51–52]. Он отметил, что большая польза колоний заключается в расширении, стимулировании и поддержании своей промышленности, а также в предоставлении возможности промышленникам увеличивать свою прибыль, а рабочим – повышать заработную плату [17, р. 542].

Также одним из идеологов расширения территорий во Франции является Ж. Ферри, который отмечал, что «колониальная политика является дочерью промышленной политики» [18, р. 52]. По его мнению, в колониальной политике Франции заложены «честь, интересы, репутация и будущее Франции» [19, р. 178]. В своем выступлении 28 июля 1885 г. он подчеркнул, что колониальная политика Франции является системой, которая была задумана, определена и ограничена, опираясь на три базисных фактора. Первый – экономический фактор, по его мнению, проявляется при избытке капитала, излишках продукции и перенаселении [20, р. 194]. Второй – цивилизационный или гуманитарный, в соответствии с ним «высшие» расы должны цивилизовать «низшие». Это их долг [21, р. 209–210]. Третий – политический, где суждения о том, что Франция должна быть лишь континентальной державой, неверны, так как это лишает страну могущества и создает угрозу для ее статуса великой державы [22, р. 217].

Колониальная политика Франции в 1870–1914 гг. имела далеко не только сторонников, зачастую против высказывались политики и экономисты, отмечая ее невыгодность [23, р. 51–52]. Но в рассматриваемый период либеральная мысль во Франции так и не смогла отстоять идею о несостоятельности активной колониальной политики. Слишком весом был тезис Ж. Ферри о том, что колониальная экспансия характерна для многих. Если Франция уйдет, то ее место займут другие, как когда-то произошло с первыми колониальными державами [24, р. 218].

Россия, не являясь колониальной державой, но участвуя в процессе вступления мировых держав в империалистическую эпоху, ведя поиск рынка сбыта товаров после экономического подъема, связанного с либеральными реформами Александра II, также активно включалась в борьбу за сферы влияния на Балканах и в Азии.

В частности, важными для России представлялись ее позиции на Дальнем Востоке. Для более активного освоения территорий и защиты уже имеющихся позиций в 1891 г. началось строительство Транссибирской магистрали, а в 1896 г. по договору с Китаем была получена концессия на строительство железной дороги от Читы до Владивостока через территорию Северной Маньчжурии (КВЖД). В 1898 г. с правительством Китая были согласованы аренда Ляодунского полуострова сроком на 25 лет, создание военно-морской базы в Порт-Артуре [25]. В 1900 г. Россия вместе с другими державами, имевшими притязания на территорию Китая, принимала участие в подавлении Ихэтуаньского восстания. В окружении российского императора Николая II появилась группа людей, получившая название «безобразовская клика» по имени офицера А.М. Безобразова, которая выступала за активное экономическое и политическое проникновение России в Маньчжурию и Северную Корею. Кроме того, данная мысль была близка и министру внутренних дел В.К. Плеве.

Данные мероприятия усиливали позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но подталкивали к конфронтации с Японией, в которой после революции Мэйдзи 1868 г. активно развивались капиталистические отношения и также велся поиск сфер влияния.

Точка зрения С.Ю. Витте, на тот момент являвшегося министром финансов, и министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа о проведении более сдержанной политики на Дальнем Востоке с учетом интересов Японии не была поддержана российским монархом. С.Ю. Витте отмечал в

своих мемуарах: «Я убеждал Его Величество, что нам не следует вмешиваться в это дело, потому что мы, собственно в Пекине, да и вообще в Китае – за исключением Маньчжурии – не имеем никаких серьезных интересов, что нам нужно защищать наше положение в Маньчжурии, не раздражая китайцев и Китай» [26, с. 145]. В итоге столкновение экономических интересов России и Японии привело к военным действиям 1904–1905 гг.

Но агрессивная внешняя политика Франции и России ставила своей целью не только поиски рынков сбыта продукции и ресурсов, но и интеграцию, сплочение общества на фоне побед, представив центральную власть в лучшем свете. Неудачи, как, например, поражение России в войне с Японией, способствовали усугублению кризисных явлений и созданию революционных ситуаций.

Таким образом, в рассматриваемый период во Франции и Российской империи промышленный капитализм укрепил национальный строй. Государство через монополии могло контролировать и направлять свое население. Также капитализм собирал родственные устные языки в одно целое, способствовал расширению единого языка, используя рынок. Промышленникам, средним и мелким производителям удавалось легче проникать на новые рынки внутри страны, зная общепринятый язык. Успехи в борьбе за экономические сферы влияния на международной арене способствовали подъему промышленного производства, росту благосостояния промышленников и предоставлению возможности улучшения материального состояния для иных слоев населения. В итоге экономика стала составляющей нации, конструируемой государством, а «идея нации» сыграла важную роль в развитии капиталистической экономики.

Ссылки:

1. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. 464 с.
2. Липкин А.И. Россия между нацией и субцивилизацией. Сравнение с Францией // Вестник российской нации. 2014. № 6 (38). С. 133–153.
3. Лебон Г. Психология социализма. СПб., 1908. 376 с.
4. Там же. С. 150.
5. Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1: Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб., 1896. 228 с.
6. Эммонс Т. Проблема «особого пути» России в позднеимперской историографии // «Особый путь»: от идеологии к методу. М., 2018. С. 150–188.
7. Беляев С.Г. Русское предпринимательство в Китае в конце XIX – начале XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8: Менеджмент. 2006. Вып. 1. С. 170–183.
8. Сорокин А.И. Протекционизм и промышленное развитие России в XIX в. // Там же. Серия 5: Экономика. 2009. Вып. 4. С. 83–93.
9. Smith M.S. The Méline Tariff as Social Protection: Rhetoric or Reality? // International Review of Social History. 1992. Vol. 37, iss. 2. P. 230–242. <https://doi.org/10.1017/s0020859000111149>.
10. Сорокин А.И. Указ. соч. С. 88.
11. Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д., 1999. 512 с.
12. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. 307 с.
13. Там же. С. 183–184.
14. Буйко О.Л. Франция: колониальная политика и парламент. 1880-е годы // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 65–78.
15. Там же. С. 78.
16. Clément A. L'analyse économique de la question coloniale en France // Revue d'économie politique. 2013. Vol. 123, no. 1. P. 51–82. <https://doi.org/10.3917/redp.231.0051>.
17. Leroy-Beaulieu P. De la colonisation chez les peuples modernes. Paris, 1882. 639 p.
18. Clément A. Op. cit. P. 52.
19. Robiquet P. Discours et Opinions de Jules Ferry. T. 5. Paris, 1897. 567 p.
20. Ibid. P. 194.
21. Ibid. P. 209–210.
22. Ibid. P. 217.
23. Clément A. Op. cit. P. 51–52.
24. Robiquet P. Op. cit. P. 218.
25. Русско-китайская конвенция 1898 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 309–312.
26. Витте С.Ю. Воспоминания: царствование Николая II. 2-е изд. Т. 1. Л., 1924. 471 с.

References:

- Belyaev, SG 2006, 'Russian entrepreneurship in China in the late 19th – early 20th centuries', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 8: Menedzhment*, iss. 1, pp. 170–183, (in Russian).
- Buiko, OL 2008, 'France: colonial policy and parliament in the 1880s', *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 3, pp. 65–78, (in Russian).
- Clément, A 2013, 'L'analyse économique de la question coloniale en France', *Revue d'économie politique*, vol. 123, no. 1, pp. 51–82. <https://doi.org/10.3917/redp.231.0051>.
- Emmons, T 2018, 'On the problem of Russia's 'separate path' in late imperial historiography', "*Osoby put'*": ot ideologii k metodu, Moscow, pp. 150–188, (in Russian).
- Hobsbawm, E 1998, *Nations and nationalism since 1780*, St. Petersburg, 307 p., (in Russian).

- Hobsbawm, E 1999, *The age of empire: 1875–1914*, Rostov-on-Don, 512 p., (in Russian).
- Le bon, G 1908, *The psychology of socialism*, St. Petersburg, 376 p., (in Russian).
- Leroy-Beaulieu, P 1882, *De la colonisation chez les peuples modernes*, Paris, 639 p., (in French).
- Lipkin, AI 2014, 'Russia between the nation and subcivilization. Comparison with France', *Vestnik rossiyskoy natsii*, no. 6 (38), pp. 133–153, (in Russian).
- Milyukov, PN 1896, *Essays on the history of Russian culture*, Part 1, St. Petersburg, 228 p., (in Russian).
- Robiquet, P 1897, *Discours et Opinions de Jules Ferry*, T. 5. Paris, 567 p., (in French).
- 'Russian-Chinese Convention of 1898' 1952, *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917*, Moscow, pp. 309–312, (in Russian).
- Smith, A 2004, *Nationalism and modernism: a critical survey of recent theories of nations and nationalism*, Moscow, 464 p., (in Russian).
- Smith, MS 1992, 'The Méline Tariff as Social Protection: Rhetoric or Reality?', *International Review of Social History*, vol. 37, iss. 2, pp. 230–242. <https://doi.org/10.1017/s0020859000111149>.
- Sorokin, AI 2009, 'Protectionism and industrial development of Russia in the 19th century', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika*, iss. 4, pp. 83–93, (in Russian).
- Witte, SYu 1924, *Memories: the reign of Nicholas II*, 2nd ed., vol. 1, Leningrad, 471 p., (in Russian).